

О. В. ЗАИЧЕНКО

БИТВА В ТЕВТОБУРГСКОМ ЛЕСУ ОТ *CLADES VARIANA* ДО *HERMANNSSCHLACHT* КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА

В статье делается попытка рассмотреть процесс конструирования в национальном сознании немцев героического мифа о битве в Тевтобургском лесу как сакральном акте, запустившем механизм национальной истории, в связи с изменениями его интерпретаций на протяжении XVI – начала XIX в. на уровне нарратива и иконографии, что нашло свое отражение в произведениях литературы и изобразительного искусства. Германизация и политизация национальной истории в ходе становления национальной самосознания привели к возникновению различных терминологических и концептуальных редакций легендарного сражения и его героев, что, в свою очередь, отражает динамику изменения восприятия этого события в исторической памяти нации в связи с изменениями стоящих перед ней задач.

Ключевые слова: Германия, борьба с «Римом», историческая память, битва в Тевтобургском лесу, «битва Германа», Арминий/Герман, национальная идентичность

В 2009 г. в Германии торжественно отмечали юбилей легендарной битвы в Тевтобургском лесу. Две тысячи лет назад, в 9 г. н.э., восставшие германские племена во главе с князем херусков Арминием уничтожили три римских легиона, которыми командовал наместник Галлии и Германии Публий Квинтилий Вар. «Варово побоище» («clades Variana») – как назвали этот разгром римляне, и его главный герой – вождь херусков Арминий, прочно забытые на долгие века, спустя 15 столетий после битвы обрели свое почетное место в немецкой национальной истории. Возникнув из небытия в эпоху гуманизма, сражение стало восприниматься как поворотный момент в истории не только Германии, но и Европы: наступление Рима на германские земли на правом берегу Рейна было остановлено, уже завоеванная им территория между Рейном и Эльбой впоследствии оказалась утраченной, что обеспечило политическую и культурную независимость германских племен от Римской империи.

Торжества по случаю двухтысячелетия победы древних германцев над античными римлянами проходили с большим размахом. Куратором юбилейных мероприятий выступила федеральный канцлер Ангела Меркель. Сразу в трех городах – Хальтерне, Калькризе и Детмольде – открылись выставки под общим названием «Империя. Конфликт. Мифы. Двухтысячелетняя годовщина битвы в Тевтобургском лесу»¹, появилось множество публикаций, фильмов, сайтов, посвященных знаменитому

---

¹ См., например: 2000 Jahre Varusschlacht: Imperium, Konflikt, Mythos 2009.

сражению, от серьезных исследований до поиска уфологических следов в поражении Вара². В немецкой прессе разгорелись споры о том, какое влияние на дальнейший ход отечественной истории оказало античное сражение³. Например, еженедельник «Шпигель» опубликовал подборку статей, в которых вождь херусков Арминий был представлен противником объединенной Европы, борцом с глобализацией и политикой романизации Германии⁴. Но чаще всего, звучала точка зрения, озвученная директором Немецкого исторического музея в Берлине Гансом Отто Майером еще в 2006 г., о том, что Тевтобургская битва, «положившая конец римской экспансии на север», – это точка отсчета немецкой истории, «немецкая Троя, наш «Большой взрыв, давший начало Германии»⁵.

На протяжении двух тысяч лет легендарная битва неоднократно меняла свое название и связанные с ним исторические трактовки и политические оценки в коллективной памяти немцев. В самом начале становления мифа о битве в Тевтобургском лесу она носила латинское имя, данное ей римскими историками – “clades Variana”. В процессе развития национального самосознания немцев происходила германизация национальной истории. Вождь херусков Арминий получил немецкое имя «Герман», а выигранное им сражение надолго вошло в немецкую литературу и массовое сознание под названием “Nermannsschlacht” – «Битва Германа». После поражения Германии во Второй мировой войне национальные мифы и национальные ценности были полностью дискредитированы. Любые намеки на германскую составляющую в названии битвы были недопустимы, поэтому немцы снова вспомнили о побежденном Публии Квинтилии Варе, дав его имя Тевтобургскому сражению. Современный этап демифологизации немецкой истории теперь связан с “Varusschlacht” – «Битвой Вара».

Терминологические и концептуальные редакции одного и того же события и его героев на протяжении столетий уже сами по себе способны продемонстрировать динамику изменения восприятия этого события в исторической памяти нации в связи с изменениями стоящих перед ней задач. Нам представляется интересным проследить процесс конструирования в немецком национальном сознании мифа о битве в Тевтобургском лесу и вожде херусков Арминии, начиная с анализа первоначально латинского нарратива и его интерпретации немецкими гуманистами после «повторного открытия» сочинений античных историков в первой

---

² См. обзор публикаций: *Tiple* 2012.

³ *Brockmann, Althoff* 2009; *Westfälischer Streit ums Schlachtfeld...*; *Husemann* 2009.

⁴ *Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 1. «Er thront über allen» // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 14.09.2009; Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 2. Er verhinderte die Romanisierung Germaniens // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 16.09.2009; Germanischer Schlachtenheld Arminius. Interview mit Alexander Demandt // SPIEGEL-Online Wissenschaft. 30. 12.2010.*

⁵ См.: *Mayer* 2009.

половине XVI в., до канонического оформления мифа в начале XIX в., когда в ходе освободительных войн с Наполеоном героический миф о сопротивлении иноземным захватчикам достиг пика политической актуализации, превратившись в сакральный учредительный акт немецкой нации. Рассмотрев различные формы литературного и визуального воплощения мифа, попытаемся проанализировать его воздействие на формирование коллективной идентичности немцев на уровне нарратива и иконографии, которые к 1813 г. окончательно превратились в инструмент политической борьбы за национальное единство немцев.

Вряд ли сегодня кем-нибудь из гуманитариев будет поставлен под сомнение тезис о существовании тесной связи между восприятием отдельных исторических событий, определением их места в исторической памяти общества и социально-политическим контекстом их оценки в настоящем времени. «Общества мобилизуют свою память и реконструируют собственное прошлое, чтобы обеспечить свое функционирование в настоящем и разрешить актуальные конфликты»⁶. Всякая новая кризисная ситуация, требующая национальной мобилизации, стимулирует обращение к прошлому опыту для его переосмысления. В такие переломные моменты исторические нарративы о «непобедимых Героях», «великих сражениях» и других «судьбоносных свершениях» приобретают огромное значение. Они вызывают образы прошлого, чтобы гарантировать успешное будущее. Они претендуют не только на то, чтобы интерпретировать историю нации, но также структурировать ее дальнейшее развитие. Они должны устранить коллективный страх общества перед неопределенностью будущего и связанными с ним случайностями и непредвиденными обстоятельствами, опровергнуть опасения, что национальная история, возможно, не имеет никакого сакрального смысла и является просто ничего не значащим эпизодом мировой истории.

Сконструированное с учетом новых социальных и политических вызовов общее мифологизированное прошлое становится наглядным подтверждением того, что все стоящие перед нацией задачи могут быть решены потому, что ей это уже удавалось прежде. Великий германский вождь Арминий вновь разобьет всех врагов в новой Тевтобургской битве, легендарный император Барбаросса вернется и возродит империю во всей ее силе и славе, неуязвимый герой Зигфрид опять совершит свои блистательные подвиги. Мифы мобилизуют нацию и создают в массовом сознании ориентацию на успех, становясь, таким образом, когнитивно-эмоциональным ресурсом современного политического манипулирования. И тот факт, что многие из этих, якобы древних сказаний о великих сражениях и победоносных героях, были сконструированы представителями интеллектуальной элиты в эпоху Возрождения и получили каноническое литературное, визуальное, обрядовое оформление только в XIX в.,

---

⁶ Шмидт 2005. С. 132.

как это показал Эрик Хобсбаум⁷ в своем исследовании об «изобретенных традициях», ничего не меняет. Они зафиксированы в коллективной памяти, они создают торжественную ауру и укрепляют у нации чувство единства, собственной уникальности и значимости, уверенности в себе.

В начале XIX в. Германия была «Эльдорадо политической мифологии», так как с XVI в. до достижения государственного единства в 1871 г. мифы и символы были единственными формами общественно-политического самовыражения «опоздавшей нации». «То, чего на протяжении столетий не происходило в политическом пространстве, практически деятельности, было с тем большей интенсивностью перенесено за горизонты ожидания, и нашло свое выражение в мифах»⁸.

Генезис национального самосознания – сложный, занимающий столетия процесс осознания национальной общности собственной уникальности, с присущими ей интересами, потребностями, особенностями языка, культуры и истории, отличающимися ее от других народов. Исторически процесс формирования немецкого национального самосознания был осложнен рядом факторов: вековая раздробленность на экономически не зависящие друг от друга княжества, отсутствие естественных границ и несоответствие границ немецкого языкового пространства с государственными границами, отсутствие на протяжении долгого времени единой столицы, конфессиональное разделение немецких земель на преимущественно католический юг и протестантский север. Кроме того, из-за своего географического расположения немецкий этнос все время находился в центре международно-политических процессов в Европе. Это обстоятельство обуславливало торможение соседними великими державами процесса образования немецкого государства-нации. Поэтому при отсутствии единого политического пространства на первое место вышло пространство языковое и культурное. Главными компонентами формирования немецкого национального сознания стала общность языка, истории и культуры.

В условиях политической раздробленности немецкая национальная идея также формировалась децентрализованно и в основном на уровне интеллектуальной элиты, опасавшейся культурной ассимиляции другими, более развитыми народами, прежде всего, Францией. На рубеже XV–XVI вв. в трудах немецких гуманистов начинает конструироваться коллективная память нации на основе общности происхождения. Исходным моментом стало новое открытие в 1425 г. малого произведения древнеримского историка Публия Корнелия Тацита «Германия» (полное название – «О происхождении и местах обитания германцев»), написанного около 98 г. н.э. и специально посвященного описанию жизни и быта древних германцев. Впоследствии это небольшое рукописное сочинение

---

⁷ Hobsbaum 1983. P. 1–14.

⁸ Münkler 2009. S. 12.

стало главным документальным обоснованием идеи о восходящей к древним германцам общей для всех немцев этнической, языковой и культурно-цивилизационной принадлежности. Помимо германского мифа в основу конструкции коллективной памяти были положены связанные с ним имперский миф и миф о превосходстве немецкого языка.

На рубеже XVIII–XIX вв. немецкие философы, пытаясь оправдать столь долгий процесс образования национального государства, стремились обосновать существование особого пути развития или исторической миссии немцев. Провозглашая исключительность своего народа, интеллектуальная элита приписывала немцам особое предназначение, включавшее миссию распространения европейской культуры и защиты свободы и христианских ценностей, как это делал просветитель Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803), или же всемирно-историческую задачу нравственного совершенствования человечества, как утверждал в своих лекциях «К германской нации» (1808) Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814). Именно в этот период, несмотря на давнюю предысторию, идея национальной консолидации как политический и мировоззренческий феномен в германских землях приобрела четко выраженные формы.

Этому процессу во многом способствовала сложившаяся в Европе кризисная ситуация, связанная с Французской революцией и началом Наполеоновских войн. Она потребовала нового прочтения немецкой истории и стала толчком для развития национального самосознания. После революции 1789 г. французы, вечные антагонисты и противники немцев, обрели свой главный политический миф, в котором штурм Бастилии, казнь короля были представлены в виде акта революционного самоочищения нации⁹. Революционный миф легитимировал французскую экспансию в Европе, превратив Наполеона на начальном этапе войны в глазах либерально настроенных европейцев из захватчика в носителя прогресса и свободы. В этих условиях политического и психологического раскола и неопределенности немецким интеллектуалам было необходимо мобилизовать и противопоставить французам свой собственный национальный миф. Они искали его в нарративе о древних германцах и имперском средневековье, не только романтизируя прошлое, но и германизируя его. Они конструировали немецкую национальную историю, которую больше не надо было делить с французами. Благодаря усилиям философов, историков, публицистов, таких как И.Г. Фихте, Э.М. Арндт, Г. Луден, Ф.Л. Ян и другие, национальная идея начинает проникать в сознание широких слоев немецкого населения.

В результате рубеж XVIII–XIX вв. был отмечен в Германии ростом интереса к немецкой старине, поиском национальных мифов и национальных героев: от основанной на исторических событиях «Германии» Тацита до вновь обнаруженной мифической Песни о Нибелунгах, от

---

⁹ См., например: *Münkler* 1999.

реально существовавшего, по убеждению абсолютного большинства немцев, князя херусков Арминия/Германа до сказочного персонажа Зигфрида, победителя дракона. В первом десятилетии XIX в. романтиками «гейдельбергской школы» целенаправленно разыскиваются, публикуются и комментируются памятники средневековой немецкой литературы, впервые изучается фольклор и национальная народно-песенная традиция. Легендарным местам, мифическим нарративам и историческим событиям придается новое значение, благодаря которому они наделяются скрытыми смыслами, подтверждающими возможность и неизбежность национального возрождения.

В результате активации социальных и политических процессов в начале XIX в. в Германии складываются важнейшие элементы структуры национального мифа: нарратив и иконография, а также начинают формироваться связанные с ними сценарии торжественных ритуалов. При этом нарратив является центральной и наиболее подвижной частью мифа. Как правило, текст имеет множество вариаций и толкований, он в наибольшей степени подвержен трансформации в зависимости от конкретных политических обстоятельств. При этом, литературно обработанный текст в первую очередь воздействует на эмоции и воображение людей, определяя визуальные образы и обрядовые постановки, связанные с мифом. Живописные и скульптурные изображения, в свою очередь, демонстрируют, насколько один раз принятая иконография обнаруживает гораздо больше инерции в отношении вариативности, чем нарратив. Поэтому один и тот же художественный образ на протяжении времени в зависимости от конкретных политических обстоятельств наделяется все новыми и новыми смыслами.

***Clades Variana* – возникновение мифа**

Первоначальная информация о битве, давшей начало немецкой истории, была очень скудной. Даже сегодня, несмотря на ведущиеся в местечке Калькризе в последние десятилетия масштабные археологические исследования, мы не знаем не только точной даты сражения, но и места, которое не вызывало бы дискуссий в научном сообществе. За небольшим исключением, до недавнего времени практически отсутствовали бесспорные материальные подтверждения реальности этого ставшего судьбоносным для Германии события. Ученые могли ссылаться лишь на одно материальное свидетельство разгрома Вара — кенотаф центуриона XVIII легиона, обнаруженный в XVII в. в Ксантене. На нём было начертано: «Маркус Целий, сын Тита. Первый центурион XVIII легиона, 53-х лет. Он погиб в войне Вара. Его кости упокоены здесь...»¹⁰.

По причине отсутствия письменности никаких свидетельств со стороны германских племен не сохранилось. В подавляющем большинстве случаев исследователи вплоть до конца 80-х гг. XX в. оперировали лишь

---

¹⁰ Wamser 2000. S. 326.

данными латинских нарративных источников, основными из которых являются исторические сочинения Веллея Патеркула, Тацита и Диона Кассия. Гай Веллей Патеркул (19 г. до н. э. – 31 г. н. э.) был начальником конного отряда в войске Тиберия, современником и сослуживцем Арминия, видимо, неплохо знавшим и Вара, воевал под началом Тиберия в Германии и Паннонии. Краткому описанию битвы и предшествовавших ей событий он посвятил 117–119 главы 1-й книги своей «Римской истории»¹¹. Патеркул довольно точно оценил численность двух войск, описал расстановку сил и охарактеризовал римских офицеров, резко отозвавшись о Варе и назвав его главным виновником поражения. Автор знаменитой «Германии» Тацит (сер. 50–117 гг. н.э.) в одном из своих больших исторических трудов «Анналы», законченном им в 116 г., дал подробное описание римско-германских военных столкновений, в т.ч. обстоятельств разгрома трех легионов под командованием Публия Квинтилия Вара в 9 г. н.э. и последовавших за ним карательных походов Германика на правый берег Рейна в 14–16 гг. (Кн. I, гл. 50–71, Кн. II, гл. 5–88). Тацит не был современником событий и в своем изложении опирался на утерянный труд Плиния Старшего «Германские войны», который, в свою очередь, во многом основывался на описаниях очевидцев¹². Наиболее позднее описание Тевтобургской битвы принадлежит римскому историку греческого происхождения Диону Кассию (между 150–230 гг.), консулу и автору пространной «Римской истории» в 80-ти книгах¹³. Легендарной битве между германцами и римлянами и ее последствиям он посвятил шесть глав (Кн. LVI, гл. 18–23), оставив очень красочное и детальное изложение событий, которые за более чем двести лет обросли множеством удивительных подробностей и легенд.

Что же касается названия сражения, то у Веллея Патеркула, как современника и во многом очевидца описываемых событий, еще нет устойчивого обозначения битвы. На упомянутом надгробном камне Маркуса Целия в Ксантене выбито название «*bellum Varianum*» («Война Вара»). Но уже у Сенеки (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.), а затем у Тацита, Светония (70–130 гг.) и Диона Кассия появляется устойчивое наименование «*clades Variana*» («Варово побоище»). В более пространных сочинениях античных авторов, как, например, в «Естественной истории» у Гая Плиния Старшего (23–79 гг.) «Варово побоище» – лишь эпизод, составная часть «*bella Germanica*», «германских войн», которые вел Рим¹⁴.

Время сражения античные авторы определяют как начало осени, предположительно сентябрь, 9 г. н.э. Легионы Вара были застигнуты врасплох германцами, когда шли из летних лагерей в одну из укрепленных крепостей на реке Липпе, чтобы провести там зиму. Если говорить

¹¹ См., напр.: *Немировский, Дашкова* 1996.

¹² См.: *Тронский* 1993.

¹³ См.: *Махлаюк* 2011.

¹⁴ См.: *Wolters* 2008. S. 157 ff.

о месте сражения, то все они довольно скупо описывали безымянную «унылую местность, угнетавшую своим видом», «трясины и заболоченные луга», «непроходимые дебри». Только Тацит обозначает его как «*Teutoburgiensis saltus*». Веками это выражение переводилось как «Тевтобургский лес». Рассказывая о карательном походе Германика, племянника императора Тиберия, вторгшегося спустя 5 лет после битвы во враждебные римлянам земли, населенные германскими варварами, Тацит пишет: «Затем войско... опустошило земли между реками Амизией и Лупией (между Эмсом и Липпе), неподалеку от *Teutoburgiensis saltus* (Тевтобургского леса), в котором, как говорили, все еще лежали непогребенными останки Вара и его легионов»¹⁵. Но того Тевтобургского леса, который можно найти на современных картах Германии, в античную эпоху еще не существовало. Сегодня так называют гряду болотистых низкогорий, протянувшуюся между Падерборном и Оснабрюком. Именно здесь, начиная с XVII в. энтузиасты пытались обнаружить свидетельства разгрома римских легионов Вара. Впервые имя «Тевтобургский лес» было дано этой местности в 1672 г. епископом Падерборна Фердинандом фон Фюрстенбергом, хорошо знакомым с трудами Тацита и связавшим близлежащую горную цепь с местом исторической битвы. Окончательное переименование произошло в XIX в., когда покрытый лесом горный кряж Оснинг официально превратился в Тевтобургский лес. Таким образом, лишь в XIX в. миф о «Варовом побоище» обрел географическое воплощение на карте страны, а немцы – сакральное место для поклонения национальному герою.

Анализируя содержание латинских текстов, можно заметить, что общий нарратив под названием «Варово побоище» распадается на три сюжетные линии, две из которых легли в основу будущего национального мифа: непосредственное описание самой битвы; история Арминия, его противостояния Риму и межплеменной борьбе внутри германского сообщества, и, наконец, карательный поход Германика 14–16 гг., как акт мести римлян за разгром легионов Вара.

Битва в Тевтобургском лесу

Как сообщает Веллей Патеркул, битва произошла на землях германского племени херусков, которые давно признали себя союзниками римлян, а свои территории – подчиненными римской юрисдикции. В регионе в полную мощь работала римская судебная машина – штрафы, взыскания, заложники, сборщики дани, вызывая резкое недовольство местных племен. «Их не удалось заставить забыть отчие нравы, своего природного характера, своего самостоятельного образа жизни и своей свободы, основывавшейся на силе оружия», – писал Дион Кассий¹⁶. Шел третий год правления пропретора Германии Публия Квинтилия Вара.

¹⁵ Тацит. *Анналы*. Книга I, 60. (Пер. А.И. Неусыхина). С. 81.

¹⁶ Дион Кассий. *Римская история*. Кн. LVI, 18 (пер. В.Н. Гракова). С. 153.

Римские историки, вслед за Веллеем Патеркулом обвиняли Вара в грубых ошибках, допущенных им при насаждении римских законов на правом берегу Рейна. Дион Кассий писал: «Он резко поменял политику, захотел все слишком быстро изменить, стал обращаться с германцами властно и требовать от них дани»¹⁷. Иными словами, Вар не учитывал местную специфику и менталитет, что послужило одной из причин заговора германских племен во главе с вождем херусков Арминием против римлян. Как свидетельствует Веллей Патеркул, Арминий пользовался полным доверием Вара¹⁸. С момента его назначения наместником в Германию, вождь херусков в качестве римского офицера служил начальником отряда конных вспомогательных войск. Такие отряды насчитывали от 300 до 700 легковооружённых всадников. В их задачу входила разведка, поиск дорог и снабжение легиона продовольствием. Пользуясь возможностью свободно передвигаться и рассылать повсюду конные отряды, Арминий, видимо, сумел убедить вождей соседних племён совместно выступить против римлян. Такое поведение расценивалось античными историками как предательство, ведь Арминий, будучи римским гражданином и офицером, давал присягу на верность империи¹⁹.

В начале осени 9 г. из летнего лагеря вышли три легиона и шесть когорт общей численностью (ок. 17–20 тыс. воинов) во главе с Публием Квинтилием Варом. За ними следовал большой обоз и римская администрация, которую так невзлюбили германцы. Целью похода был постоянный зимний лагерь где-то в районе реки Липпе, но по совету Арминия армия свернула с военной дороги и пошла обходным путем, который привел ее прямо в западную среди лесов и болот. Как писал Тацит: «В правильном бою и в обыкновенных условиях местности германцы всегда терпели поражение, зато им благоприятствуют леса и болота, где римские солдаты страдают не столько от ран, сколько от длинных переходов и потери оружия»²⁰. Арминий применил тактику партизанской войны, заранее перекрыв мощными валами и без того узкую дорогу, проходившую через гористую болотистую местность, покрытую лесами. Дион Кассий так описывал «Варово побоище»: «Римляне, еще до того, как на них напали враги, были измучены трудом, так как им приходилось рубить деревья, строить дороги и мосты. За ними шел обоз, много волов, и они несли много груза на себе... При этом начался сильный дождь, поднялся ветер и еще больше разделил колонну. ...Вдруг их отовсюду окружили варвары и сначала поражали копьями издалека, а потом, так как никто из римлян не защищался и многие были ранены, они двинулись на них врукопашную. Так как римляне

---

¹⁷ Там же. С. 154.

¹⁸ *Веллей Патеркул*. Римская история. Книга I, 118 (пер. А.И. Неусыхина). С. 41.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Тацит*. *Анналы*. Книга II, 5. (С. 86).

шли не в строю, а попеременно с возами и безоружными людьми, они ничего не могли предпринять против непрерывно нападающих на них врагов»²¹. Избиение длилось три дня. На четвертый день римское войско окончательно распалось: кто-то бежал лесом, где становился легкой добычей противника, кто-то – назад по дороге, кто-то сдавался в плен, а Квинтилий Вар и часть его свиты, предпочтя смерть позору, покончили с собой, бросившись по римскому обычаю на мечи. «Нельзя представить себе ничего более жестокого и кровожадного, чем эта битва среди болот и лесов, ничего более нестерпимого, чем издевательства варваров, особенно над римскими адвокатами. Это поражение привело к тому, что римское господство, которое не хотело остановиться на берегах Океана, принуждено было найти себе предел на берегу Рейна»²², – так заканчивает римский историк Луций Анней Флор спустя почти 130 лет после сражения описание «Варова побоища», горечь от которого не иссякла в сознании римских граждан и через несколько поколений.

Действительно, в Тевтобургской битве римская армия потеряла около 10% своего постоянного состава. XVII, XVIII, XIX легионы были уничтожены полностью, три аквилы, золотые орлы легионов, заменявшие им знамена и почитаемые как самая дорогая святыня, были захвачены германцами. Потеря орлов стала для римской армии страшным бесчестием. Разгром армии Вара настолько потряс императора Августа, что он, по словам его биографа Светония, несколько месяцев не мог прийти в себя: он облачился в траур, перестал принимать пищу, бился головой о стены и кричал: «Quinctili Vare, legiones redde!» (Квинтилий Вар, верни легионы!)²³.

Арминий, вождь херусков

Несмотря на важность последствий разгрома легионов Вара в Тевтобургском лесу, сюжетная линия, связанная с вождем херусков Арминием, занимает не меньше, а может быть даже и больше места в нарративе о “clades Variana”. Будущий победитель Вара в течение долгого времени был верным слугой римлян. Он был старшим сыном Зигимера (Sigimer), правителя одного из сильнейших германских народов — херусков, который в 4 г. н.э. заключил мир с римлянами и отправил своих сыновей Арминия и Флавия в Италию, возможно, в качестве заложников. Мальчики воспитывались как римские граждане, получив хорошее военное образование. Арминий, в частности, во главе отряда конной разведки участвовал в походе Тиберия в Паннонию. В 7 г. н.э. он унаследовал титул отца, став вождем племени херусков. К 25 годам за проявленную храбрость Арминий был объявлен гражданином Римской им-

²¹ Дион Кассий. Римская история. С. 155.

²² Флор. Из истории римского народа. Книга II, 30 (пер. А.И. Неусыхина). С. 137.

²³ Светоний. Жизнь двенадцати Цезарей. Книга II. Божественный Август (пер. М.Л. Гаспарова). С. 23.

перии и получил почетный статус всадника. Веллей Патеркул, который одно время служил вместе с этим юношей, вспоминает его как офицера усердного, физически сильного, как бык. Несмотря на предательство, римский историк дает херуску более чем лестную характеристику: «Он отличался личной храбростью, живостью ума и сообразительностью в большей степени, чем это свойственно варварам. В его лице и взгляде светился огонь его духа»²⁴.

Важным моментом сюжетной линии Арминия является история его женитьбы. После возвращения в составе римских войск в Германию, Арминий похитил Туснельду (Thusnelda), дочь одного из знатнейших и влиятельнейших херусков Сегеста (Segestes), предназначенную в жены князю германского племени хаттов Адгандестрию (Adgandestrius), и женился на ней вопреки воле отца. Поступив подобным образом, Арминий не только бросил вызов обществу, в котором жил, но и нажил себе влиятельных врагов среди соплеменников. Веллей Патеркул пишет, что Сегест, «верный нам человек и знатный член того же племени», предупредил Вара о готовящемся Арминием заговоре, но Вар, зная о взаимной ненависти между тестем и зятем, не поверил ему²⁵. И это было не единственное преступление Сегеста в глазах будущих немецких читателей античных хроник. Тацит, описывая карательный поход римского полководца Германика против Арминия спустя пять лет после разгрома армии Вара, ссылаясь на очевидцев, рассказывал, как Сегест сам призвал римлян, чтобы вероломно выдать им свою беременную дочь Туснельду, жену Арминия. Впоследствии она была угнана римлянами в рабство и в Равенне родила мальчика Тумелика (Tumelikus). Дальнейшая судьба матери и ребенка, по словам Тацита, была трагична. Во всяком случае, Арминий никогда больше не увидел ни любимую жену, ни сына²⁶.

Почему вождь херусков решил изменить Риму, несмотря на клятву в верности, доверие влиятельных лиц и блестящие карьерные перспективы, — остается неизвестным. Как бы то ни было, большинство родных Арминия остались верны империи даже после его восстания, а родство с мятежником не повредило им в глазах римлян. Брат Арминия, Флавий, на службе «сената и народа Рима» в одном из сражений лишился глаза, за храбрость был награжден золотой цепью, воевал против брата во время карательного похода Германика, вышел в почетную отставку и получил землю для поселения близ Вероны. Тесть, Сегест, служил главным жрецом при алтаре Божественного Августа в колонии Агриппине (Кельне). Италик (Italicus), сын Флавия и племянник Арминия, вырос в Вечном городе и спустя много лет с подачи императора Клавдия боролся за

---

²⁴ Веллей Патеркул. Книга I, 118. (С. 41).

²⁵ Там же.

²⁶ Тацит. Анналы. Книга I, 58. (С. 80).

верховную власть над херусками. Сам же Арминий после своего триумфа провел еще 12 лет в боях с Германиком и во внутригерманских усобицах, сражаясь против вождя свевов Маробода (Marobodus), и погиб в 21 г. от рук соплеменников. Во второй книге «Анналов» Тацит оставил любопытное свидетельство о том, как разбирая архив Сената того времени, он нашёл отчёт о заседании, посвящённом письму князя германского племени хаттов, Адгандестрия (неудавшегося жениха Туснельды) с просьбой прислать яду для уничтожения врага римлян Арминия. Сенат ответил, что римляне предпочитают действовать против своих врагов в открытом бою, а ядовитых растений хватает и в лесах Германии²⁷.

Такова общая канва событий, связанных с Арминием, изложенная римскими историками в контексте нарратива о «побоище Вара». Полторы тысячи лет спустя она была использована немецкой интеллектуальной элитой для конструирования мифа о национальном герое, «первом немце» Арминии / Германе. Как обычно, при формировании мифа античный текст подвергся максимальному упрощению и схематизации, распавшись на несколько тем: подвиг Героя и борьба за свободу (борьба с Римом, битва в Тевтобургском лесу), борьба Героя за единство германских племен (противостояние Арминия и Маробода), трагическая любовь Героя (Арминий и Туснельда), гибель Героя, предательство ближайшего окружения и смертельный «удар в спину» (Сегест, Флавий и Адгандестрий). Во вновь созданном нарративе была значительно упрощена психологическая неоднозначность персонажей и сложность их характеров. Амбивалентность оценок Арминия, его окружения и германцев в целом, содержащаяся в античных текстах, сглаживалась тем, что характеристики героев утрачивали индивидуальность, окрашиваясь в черно-белые цвета: если германцы, то победители, если герой, то «без страха и упрека», если предатель, то без каких-либо смягчающих обстоятельств. Таким образом, возникающий национальный миф предлагал нации идентичность и требовал идентификации, причем соответствующей политической конъюнктуре конкретного момента. В разные периоды в зависимости от политических обстоятельств на первый план выходила та или иная сюжетная линия мифа об Арминии. Кроме того, несколько раз менялись акценты внутри общего нарратива о «Варовом побоище». То Арминий являлся частью повествования о разгроме римлян, то сама битва превращалась в фон для описания подвигов национального героя. Но независимо от политической конъюнктуры ключевым для восприятия Арминия многими поколениями немцев стало свидетельство, оставленное все тем же Тацитом, которое кочевало из одного сочинения в другое, став самой популярной цитатой вплоть до сегодняшнего дня: «Арминий был, несомненно, освободителем Герма-

---

²⁷ Тацит. *Анналы*. Книга II, 63. (С. 95).

нии и боролся с римским народом не в начале развития римского могущества, как прочие короли и вожди, а в эпоху наибольшего процветания Римской империи. Он всегда одерживал решительные победы в отдельных сражениях и во всей войне в целом остался непобежденным»²⁸.

Реванш Рима, поход Германика

На этой пафосной оценке непобедимого Арминия, перед мощью которого отступила самая могущественная империя мира, очень хотелось бы поставить точку, что и сделали немецкие интеллектуалы XVI в., давая первые интерпретации античных хроник. Но это еще не конец истории. Тевтобургская битва положила начало кровопролитной римско-германской войне, которая продлилась еще семь лет. Несмотря на сокрушительное поражение, империя приступила к подготовке широкомасштабных военных действий. Август отдал приказ увеличить рейнскую армию с 5-ти до 8-ми легионов. Весь 10-й год прошел в приготовлениях к новому походу. Веллей Патеркул писал, что необходимо истребить германцев, этот «народ прирожденных лжецов и предателей». О трех последующих годах римские источники сохранили очень скудные сведения, но с 14 года рассказы становятся подробными. После Вара во главе 50-тысячной рейнской армии был поставлен 29-летний полководец Германик, не забывший ни о реванше, ни о трех захваченных орлах. За три года он совершил несколько походов на правый берег Рейна, пройдя огнем и мечом по землям германцев, оставляя после себя пепелище. Арминий был несколько раз разбит Германиком, в т.ч. в битвах при Идиставизо и на Ангриварском валу, когда вождю херусков чудом удалось спастись. Германик вернул двух из трех потерянных орлов легионов Вара. Третьего орла возвратил Публий Секунд в 40 г., через 30 лет после битвы.

В 14 г. Германик вернулся на место Тевтобургской битвы. Так это описывает Тацит: «Римляне прибыли на печальное место, которое являло ужасное зрелище и было страшно воспоминаниями... посреди поля белели скелеты, где одинокие, где наваленные горами, смотря по тому, бежали ли воины или оказывали сопротивление. ...Были здесь и обломки оружия, и конские кости, и человеческие черепа, пригвождённые к древесным стволам. В ближайших лесах обнаружили жертвенники... Присутствовавшее здесь войско на шестой год после поражения Вара предало погребению останки трёх легионов...»²⁹. Отмщение состоялось. В конце 16 г. обессиленная непрерывными боями рейнская армия Германика потянулась на юг. Новый император Тиберий, сменивший Августа, приказал прекратить военные действия. Сенат провозгласил Германика покорителем Севера и отправил его воевать на Восток, где он умер в Сирии через два года при невыясненных обстоятельствах.

²⁸ Тацит. *Анналы*. Книга II, 88. (С. 95).

²⁹ Тацит. *Анналы*. Книга I, 60. (С. 81).

Несмотря на то, что рассказ о походе Германика занимает довольно значительное место в римских хрониках, он был полностью исключен из создаваемого на основе античных сочинений национального мифа о битве в Тевтобургском лесу. А само сражение став более коротким, окончательным и триумфальным, было украшено сценами сказочного поединка Арминия и Вара, стилистически напоминавшего библейский поединок Давида и Голиафа. Но зато в новый нарратив о битве был включен рассказ Диона Кассия о чудесных предзнаменованиях, которые наблюдались сразу же после победы германцев. Так, по его словам, «обрушились три горные вершины в Альпах, и из них хлынуло пламя. В храме бога войны Марса, откуда появился основатель Рима, в его статую ударила молния. В ночном небе несколько раз наблюдали огненное зарево. В небе появилось сразу несколько комет. Огненно-красные метеоры, появившиеся в небе с севера, падали на поля. Говорили также о том, что стоявшая на границе статуя Победы, указывавшая направление на Германию, развернулась кругом и теперь указывает на Италию»³⁰. Эти и другие знамения, по преданию появившиеся после разгрома легионов Вара, как считалось, говорили о том, что боги разгневались и навсегда отвернулись от развратного Рима.

Как и поражение при Каррах, остановившее римскую экспансию на востоке по линии реки Евфрат, разгром войск Вара сыграл роковую роль в римской истории. Продвижение Рима вглубь Центральной Европы было навсегда остановлено. Никогда больше римляне всерьез не пытались подчинить себе германские племена между Рейном и Эльбой.

***Hermannschlacht* – конструирование национального мифа**

Благодаря описанию «Варова побоища», оставленному римскими хронистами, в Германии с XIX века господствует мнение, что немецкая история началась с битвы в Тевтобургском лесу, а ее победитель, князь херусков Арминий, был объявлен первым немцем, подлинный факт существования которого подтвержден источниками. Это представление определило воображаемое «историческое пространство» немцев. Арминий открыл ряд изваяний великих немецких героев в «Зале Славы» Валгаллы, а скульптор Отто Гайер (1843–1914) начал с фигуры Арминия созданную им в 1875 г. для украшения парадной лестницы Берлинской национальной галереи монументальную композицию, посвященную великим деятелям двухтысячелетней германской истории³¹.

Однако, несмотря на то, что героический нарратив о битве в Тевтобургском лесу является частью исторических хроник Римской империи и полностью основан на латинских источниках, он не имеет ничего общего с античной эпохой. Рукописи римских историков в Европе дол-

³⁰ Дион Кассий. Книга LVI, 23. (С. 157).

³¹ См.: Wullen 2002, 72 S.

гое время считались утраченными, попав в библиотеки католических монастырей, а описанные в них события были на полторы тысячи лет преданы забвению. Формирование мифа началось лишь в эпоху гуманизма, Раннее новое время, с момента повторного открытия “*clades Variana*” гуманистами XVI в. для немецкой и европейской истории. Этот миф тесно связан с обнаруженной в 1425 г. в библиотеке Герсфельдского аббатства рукописью Тацита «Германия», положившей начало созданию основополагающего мифа о германцах, как общих для всех немцев предках. Благодаря Тациту немцы получили свою историю происхождения, а немецкие гуманисты получили полное право утверждать, что их предки являлись исконными поселенцами германских территорий, всегда были свободны, храбры и отличались высокими нравственными качествами, которые унаследовали современные немцы³². Началось конструирование национальной истории, которая нуждалась в новых символах, героях и знаковых событиях. Поэтому огромное значение для немецких гуманистов имело также обнаружение в 1509 г. манускрипта с «Анналами» Тацита, а в 1515 г. – «Римской истории» Веллея Патеркула с описанием битвы в Тевтобургском лесу и борьбы Арминия с римлянами. Нарождающаяся нация получила своего Героя и ключевое событие, запустившее механизм немецкой истории. В скором времени Тевтобургская битва и Арминий превратились в национальные символы германо-немецкой освободительной войны, противостояния с Римом в борьбе за национальную идентичность.

И еще один важный момент. Германский миф об общем происхождении немцев давал ответ на вопрос: кто такие немцы (кто «Мы»?), утверждая, что прекрасное прошлое может быть залогом не менее прекрасного будущего. Миф о герое Арминии и связанной с ним битве отвечал на вопрос: кто «Они»? Опираясь на представления «Свой – Чужой», «Мы – Они», с помощью мифа о битве в Тевтобургском лесу немецкая интеллектуальная элита пыталась сформировать собственную идентичность путем противопоставления образу героя образу врага, причем врага не только внешнего, но и внутреннего. Внешним врагом объявлялся условный «Рим», внутренним – все те немцы, кто готов его поддерживать. Впрочем, вопрос о том, что следовало понимать под Римом, всегда оставался открытым, меняясь в зависимости от политических реалий. На протяжении пятисот лет «Рим» возникал в гневной риторике политиков и публицистов то в итальянском (как папская курия), то – в испанском, то – во французском обличье. Решающим моментом было то, кто именно в глазах немцев претендовал на наследие Римской империи. Исходя из этого формировалась политическая направленность мифа о вожде херусков и великом сражении в Тевтобургском лесу.

---

³² См.: Заиченко 2016.

Германизация латинского нарратива – метаморфозы образа Арминия

XVI век, когда в Италии были опубликованы вновь найденные рукописи Тацита и Веллея Патеркула о “clades Variana”, был веком противостояния немецкого протестантизма и римского католицизма. Так как средневековая Германская империя воспринимала себя как продолжение античной Римской империи, то впервые последовательная антиримская позиция была разработана именно с началом Реформации. Национальный героический миф об Арминии и битве в Тевтобургском лесу начинает формироваться именно в среде сторонников Реформации, многие из которых в поисках политической аргументации стали обращаться не столько к великому прошлому Древнего Рима, сколько к историческому наследию древних германцев. Главную роль здесь сыграл немецкий гуманист Ульрих фон Гуттен (1488–1523), «основатель культа Арминия», автор ставшего знаменитым небольшого сочинения «Арминий или Диалог, в коем любимейший сын отечества возносит отечеству хвалу», которое было написано около 1520 г., но увидело свет уже после смерти автора, в 1529 г., благодаря издательским усилиям Эобана Гессе³³.

Гуттен познакомился с описанием Тевтобургской битвы во время своего второго пребывания в Италии в 1515–1517 гг. Вероятно в Риме им были сделаны подробные выписки из первой и второй книг «Анналов», которые позже были использованы при составлении диалога об Арминии, а также в «Послании курфюрсту Фридриху Саксонскому»³⁴. Но уже при написании своего самого яркого антиримского диалога «Вадиск, или римская троица» (1519) Гуттен демонстрирует хорошее знание античного первоисточника. Он рисует современное противостояние Германии и папского престола, явно апеллируя к описанию злоупотреблений римского наместника Публия Квинтилия Вара на землях древних германцев, данное Тацитом. Для Гуттена римское владычество продолжается, выродившись в притязания римско-католической церкви. Нынешние наместники католического Рима продолжают так же грабить германские земли непосильными податями, «как будто бы они подчинили нас силой оружия и взимают с нас дань», и бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела германских государств³⁵. Но терпение немцев, как и у их храбрых предков, кажется, иссякло, и они опять готовы взяться за оружие. Отвечая на вопрос своего собеседника: как долго еще ждать немецкого восстания против Рима, Гуттен отвечает: «Недолго, ... ведь повсюду немцы объединяются, чтобы вернуть себе свободу»³⁶. «Вадиск» Гуттена, содержательно и стилистически перекликаясь с первой книгой «Анналов» Тацита, рисует современную ситуацию как пролог перед грядущей

³³ См.: *Roloff* 1995. S. 11–238.

³⁴ *Roloff* 1995. S. 22 ff.

³⁵ *Гуттен*. Вадиск или римская троица. С. 61 – 126. С. 64.

³⁶ Там же. С. 65.

новой битвой в Тевтобургском лесу за германскую свободу, когда «усилия всех честных людей в Германии должны быть направлены на уничтожение римской заразы»³⁷. И в этой связи перед Гуттенем встает главный вопрос: кто тот новый Арминий, который объединит немцев и возглавит борьбу против Рима. Сначала он увидел прообраз легендарного вождя в юном императоре Карле V, носителе «благородной германской крови», «достойном нашего великого народа, нашей империи, равно как и его предков, его высокого происхождения»³⁸. Но после того как Карл выступил против Реформации на стороне папского престола, Гуттен начал искать нового кандидата на роль вождя.

Через год он пишет свое знаменитое «Послание курфюрсту Фридриху Саксонскому», которое начинается словами: «Теперь я окончательно убедился, Фридрих, государь мой, что мы должны восстать против неистовства римской тирании»³⁹. Фридрих II Мудрый, курфюрст Саксонии (1463–1525), правитель влиятельный и просвещенный, был самым могущественным защитником и покровителем Мартина Лютера, предоставившим ему убежище в Вартбурге после его осуждения на Вормском сейме. Его антиримская позиция была вполне очевидна, поэтому именно во Фридрихе Саксонском, разочаровавшись в императоре Карле, Гуттен увидел нового Арминия. Он убеждал курфюрста, что падение Рима уже близко: «Нет, я не обманываюсь, близится час – падет римская курия, сосуд всяческой скверны... Но кто же явится мстителем и спасителем, кто выпрямит все искривленное и поднимет упавшее?... Где же вы, государи?... И прежде всего – ты, Фридрих: ведь тебе, словно по наследству, принадлежит право и обязанность оберегать германскую свободу»⁴⁰. Далее Гуттен проводит прямую связь между саксонцами и херусками, объявляя Фридриха потомком Арминия: «В вас, саксонцах, я вижу тех, кто некогда назывались херусками и кауками и во время войны с Римом явили образец величайшего мужества. Они дали Германии Арминия – самого замечательного и самого доблестного из полководцев всех времен и народов, что признавали даже враги. Не только свой родной край, но и всю Германию вырвал он из лап римлян, которые находились тогда на вершине славы и могущества, а завоевателей, измученных и обессиленных страшными поражениями, неустанно терзил и, наконец, изгнал совсем»⁴¹. Далее Гуттен пишет, что саксонцы, как и их предки херуски, никогда не были «под пятой чужеземцев», а потому они должны смыть с Германии «позорное пятно рабства» и «вернуть свободу всей нации», вновь покрыв себя вечной славой.

³⁷ Там же. С. 67.

³⁸ Гуттен. Вадиск ... С. 69.

³⁹ Гуттен. Послание курфюрсту Фридриху Саксонскому. С. 305.

⁴⁰ Там же. С. 308.

⁴¹ Там же. С. 310.

Таким образом, в центр политических исканий Гуттена попадает Арминий, вождь, которого так не хватает современной Германии. Без него невозможно «вернуть свободу» и победить в новой Тевтобургской битве. Поэтому, используя сочинение Тацита, он начинает создавать миф о национальном герое, о вожде, который уже один раз изгнал римлян с германских земель. И он задается вопросом: «Какие же чувства испытывает теперь в царстве мертвых наш избавитель, видя, что мы порабски служим трусливым попам и изнеженным епископам, меж тем как сам он не потерпел владычества доблестных римлян, хозяев и господ всего мира?! Разве не стыдно ему за свое потомство?»⁴². Для ответа на этот вопрос Гуттен пишет в подражание «Разговорам в царстве мертвых» древнегреческого поэта Лукиана свое произведение «Арминий или Диалог...». По сюжету «Диалога» полководцы древности – Александр Македонский, Ганнибал и Сципион Африканский обсуждают в царстве мертвых: кто из них является величайшим героем. Однако главной фигурой диалога, вытеснившей всех прочих победителей, стал Арминий. Его рассказ о борьбе с Римом, приобрел вполне прозрачную аналогию с полемическим противопоставлением Рима и Германии, в условиях крайнего обострения конфликта в 1517–1520 гг.: «В короткий срок мне удалось прогнать римлян из Германии и по сей день они больше ничего не могут сделать. Я осуществил объединение Германии и, наконец, начал наслаждаться достигнутой свободой. Моя единственная цель, определявшая все мои поступки, – вернуть отечеству насильно отнятую свободу»⁴³. Борьба Арминия за освобождение германцев оказалась явно предпочтительнее борьбы за господство над другими народами, которую вели Александр Македонский и Ганнибал, что и заставило богов признать вождя херусков первым среди величайших полководцев мира. Вложив в уста Арминия гуманистический манифест сторонников Реформации и ненавистников Рима, Гуттен заложил основы будущего героического образа: немецкого борца за свободу, в том числе и религиозную, и единство нации. При этом он по-новому структурировал текст Тацита, разбив латинский нарратив на три составляющие: борьба Арминия за свободу и единство Германии, любовь к Гуснельде, ставшей символом добродетелей германских женщин, и тема предательства со стороны соплеменников – Сегеста, Флавия и Адгандестрия. Впоследствии именно эти сюжеты и персонажи, как положительные, так и отрицательные, станут основой для многочисленных литературных обработок сказания об Арминии и Тевтобургской битве.

Следует также обратить внимание на то, что формирующийся миф нес в себе потенциальную опасность для императорской власти, что стало очевидным, когда место условных «римлян» ненадолго заняли

---

⁴² Там же.

⁴³ *Gutten. Arminius. S. 197.*

испанцы. Как мы помним, Гуттен сначала приветствовал юного императора Карла V Габсбурга как нового Арминия, способного противостоять напору католического Рима. Но с тех пор, как Карл V недвусмысленно стал на сторону папы и бросил огромные ресурсы своего испанского наследия на борьбу против Реформации, Испания также заняла место в антиримской риторике. Пытаясь восстановить религиозное единство своей империи, Карл активно вмешивался во внутренние дела германских правителей. Он лично председательствовал на Вормском рейхстаге 1521 года, осудившем учение Лютера. Когда противостояние католиков и лютеран в Германии вылилось в Шмалькальденскую войну 1546–1548 гг., Карл V направил в Германию испанские войска, состоящие из ревностных католиков. Выступая против них, Лютер заявлял в одной из своих застольных бесед: «Испанская надменность, дерзость и тирания не означают для нас ничего хорошего. Испанцы терзали и мучили итальянцев и молили Господа, чтобы попасть в Германию, чтобы изгнать немецких князей из своих королевств, чтобы только они властвовали и управляли в Германии, душа ее налогами»⁴⁴. На смену «римской лжи и коварству» приходит понятие «романской хитрости и коварства», например, когда Лютер говорит о брате Карла Фердинанде, что он использует немцев в войне против турок, чтобы укрепить испанскую власть и сделать испанцев господами Германии⁴⁵. Стереотипы, разработанные для характеристики римлян, теперь стали использоваться в отношении испанцев. Причем переход императора Карла на сторону папы Римского и его противостояние группе немецких князей, ставших последователями и покровителями Лютера, придал реформационному процессу также и антиимперские черты. Это же можно сказать и в отношении стремительно развивающегося культа Арминия, ставшего частью протестантской идеологии и культуры. Поскольку не только Карл V, но и все последующие германские императоры видели себя продолжателями властных традиций Римской империи и носили соответствующий титул, то миф о борьбе древних германцев с римлянами приобретал потенциально разрушительный характер, так как с его помощью мог быть оправдан любой бунт против императора и империи.

За короткое время образ Арминия стал очень популярным. В последующих сочинениях он уже провозглашается символом свободы и победы немцев над засильем римских пап, как, например, в «Баварской хронике» (1533) историка-гуманиста Иоганна Авентина (Иоган Георг Турмайр, 1477–1534). Или как в небольшой книжке коротких стихов баснописца и драматурга Буркхарда Вальдиса (1490–1566) «Происхождение и обычаи двенадцати первых королей и князей немецкой нации» (1543), которая зачислила Арминия в ряды мифических немецких коро-

⁴⁴ *Luther. Tischreden. Bd. 5, S. 595 (N 6308).*

⁴⁵ *Ibid. S. 595 (N 6310).*

лей и родоначальников правящих династий. Дальнейшая востребованность мифа об Арминии и Тевтобургской битве требовала не только его содержательной, но и стилистической германизации. Имя «Арминий» мало подходило для немецкого героя, потому что имело не германское, а римское происхождение. Возможным германским именем, передававшим то же самое значение «воин», «боец», что и латинское *Arminius*, стала форма Герман (*Hermann*). Онемечивание Арминия и превращение его в Германа происходит в период Реформации. В печатном виде имя «Герман» вместо «Арминия» впервые появляется у Мартина Лютера в его «Застольных беседах» в 1530 г. при истолковании 82-ого псалма. По всей вероятности, Лютер не был первопроходцем в процессе отождествления Арминия с Германом, скорее всего он позаимствовал немецкий вариант имени вождя херусков из какого-нибудь неизвестного сочинения. Например, незадолго до этого Авентин в своей «Баварской хронике», описывая «clades Variana», называет Арминия Эрманном («Ehren-Mahner»)⁴⁶. Это онемечивание в сочетании с развивающимся национальным самосознанием привело к тому, что к началу XIX в. в литературе, публицистике, изобразительном и музыкальном искусстве немецкий *Герман* практически вытеснил латинское имя «Арминий». Так же и «clades Variana» со временем утратило свое латинское звучание, сначала превратившись просто в «битву в Тевтобургском лесу», а с XIX в., в связи с развитием культа «победоносного немецкого героя» – в «битву Германа»? и уже в таком виде вошло в современную память немцев.

С развитием нарратива об Арминии /Германе с XVI в. начинает формироваться его иконография⁴⁷, в основном в виде иллюстраций к многочисленным сочинениям о вожде херусков, т.е. текст с самого начала полностью определял визуальное воплощение образа. Одно из самых ранних изображений Арминия как немецкого Героя – иллюстрация Тобиаса Штиммера (1539–1584) к сочинению Буркхарда Вальдиса «Изречение похвалы древним германцам» (1543). Следуя описанию Тацита, Штиммер изображает Арминия воинственным германцем в момент триумфа после окончания Тевтобургской битвы в римском шлеме и развивающемся коротком плаще, с обнаженным мечом в правой руке и отсеченной головой Вара – в левой. В тексте к иллюстрации сообщается: «Арминий, именуемый Германом / молодой герой, смелый воин, / здоровый и крепкий телом и духом, урожденный князь Гарца и Саксонии»⁴⁸. Пожалуй, это единственное изображение Героя с узнаваемыми чертами германского происхождения вождя херусков. В этот же год было опубликовано другое сочинения Бурхарда Вальдиса «Происхождение и обычаи двенадцати первых королей и князей немецкой нации» с иллюстра-

---

⁴⁶ *Wiegels* 2000. S. 29.

⁴⁷ *Ibidem*.

⁴⁸ *Ibid.* S. 32.

циями Ганса Брозамера (1495–1552). На одной из них Арминий / Герман представлен уже не как древний германец, а в виде свободного имперского рыцаря, одетого по придворной моде середины XVI в., который только что обезглавил римского полководца. Штиммер и Брозамер, как и многие их современники в своих изображениях Арминия игнорируют свидетельство Тацита о самоубийстве Вара, и продолжают изображать вождя херусков с отрубленной в честном поединке головой Вара, почти полностью копируя иконографию другого мифологического персонажа – Давида с головой Голиафа. По всей видимости, аналогия с ветхозаветным Давидом, победившим в бою Голиафа, объединившим разрозненные еврейские племена в единый народ и превративший царство Израиля в могущественное государство, помогла встроить образ Арминия в культурное пространство христианской Европы. Очень важным для последующей иконографии Тевтобургской битвы и ее Героя представляется также полотно «Арминий-вождь», написанное известным голландским художником Симоном Фризиусом (де Фриз, 1575–1629) в 1616 г.: это не статичный портрет Арминия, а батальная сцена. Фризиус, одним из первых, изобразил битву в Тевтобургском лесу, причем не ее триумфальное окончание, а самое начало. Мы видим вождя херусков с поднятым мечом в момент атаки германцами трех римских легионов. Кроме того, это, пожалуй, первое изображение Арминия, на котором германский вождь представлен в виде современного полководца, в рыцарских доспехах и знаменитом крылатом шлеме, напоминающим крылатый шлем Гермеса, который впоследствии, несмотря на свое средневековое происхождение, станет неотделимым атрибутом образа Арминия⁴⁹. Очевидно, что в начальный период становления мифа в иконографии закрепляется образ Арминия – не дикого бунтаря, а немецкого имперского рыцаря, соответствующего общеевропейским канонам изображения Героя. Даже орлиные крылья на его шлеме отсылают к имперской символике, принятой еще в IX в. Карлом Великим.

К середине XVII в. Арминий / Герман твердо обосновался в составе немецких героев и во многих сочинениях представал как символ борьбы и гарант немецкой свободы. Тридцатилетняя война и осмысление германского мифа немецкими литераторами способствовали росту интереса к Арминию и к истории противостояния древних германцев римской экспансии. Как и сто лет назад, борьба с чужеземными поработителями остается главной темой исторического нарратива, только меняется внешний враг: папа, итальянцы и испанцы уступают место французам.

Однако до конца XVIII в. вождь херусков, как и многие другие легендарные персонажи античной истории, оставался интернациональным героем, будучи частью европейской художественной культуры. По иронии судьбы в наступившую эпоху барокко не немцы, а именно итальян-

---

⁴⁹ См.: Kaufmann 1993. S. 58.

цы и французы стали первыми, кто с наибольшим успехом использовал сюжет об Армии, породив, своего рода, европейскую моду на древних германцев и их вождя. Итальянская опера и французская драма господствовали на сценах Европы. Опера Доминико Скарлатти (1685–1757) «*Arminio*» (1703) долгое время служила примером для подражания многим немецким авторам. Даже великий Георг Фридрих Гендель (1685–1759) для своей одноименной оперы «*Arminio*» (1737) использовал либретто Джакомо Антонио Сальви (1664–1724), написанное для Скарлатти. Немецкие авторы, как, например, Генрих Франц Бибер фон Биберн (1644–1704), для своих опер также традиционно брали итальянские либретто: его опера «*Arminio*» (1692) была написана на либретто Франческо Мария Рафаэллини. Переписанный в стиле итальянской оперы сюжет почти полностью лишался какого-либо политического и национального содержания, превращаясь в затейливую череду любовных перипетий, в которой различные пары группировались вокруг Арминия и Туснельды.

Французская драма задавала тон в барочной литературе XVII–XVIII вв., превратив героическое сказание о вожде херусков в дворянскую трагедию о любви, ревности и предательстве. Достаточно вспомнить написанную в 1642 г. и ставшую очень популярной пьесу поэта и драматурга Жоржа де Сюдери (1601–1667) «*Арминий или враждующие братья*», или трагедию Жана-Гальбера де Кампистрона (1656–1723) «*Арминий*», поставленную на французской сцене в 1685 г.

В этом плане Даниэль Каспер фон Лоэнштейн (1635–1683), драматург и поэт немецкого барокко, которому принадлежит одна из самых монументальных литературных обработок героического сюжета об Армии в рассматриваемый период, был не более, чем подражателем. Полное название его исторического романа «*Арминий и Туснельда*», опубликованного уже посмертно в 1689/90 гг., звучало чрезвычайно выпендренно: «*Великодушный полководец, Арминий или Герман: смелый покровитель немецкой свободы, вместе с ее Светлостью Туснельдой, в глубокомысленной героической истории о государстве, любви и подвиге, представлен отечеству – с любовью, немецкому дворянству – с назиданием*»⁵⁰. Из названия романа становится ясно, что акценты перенесены на сюжетную линию любви Арминия и Туснельды.

В немецкой барочной литературе восприятие героического меняется: на место кровопролитных битв выходят любовные баталии, а героев и воинов заменяют благородные властители, которые демонстрируют бескрайнее великодушие и бескорыстную доброту. Так, например, у Лоэнштейна под масками херусков скрыты члены и ближайшее окружение дома Габсбургов, а за образом «великодушного Арминия» скрывался сам император Леопольд I. Таким образом, в противостоянии вождя германцев и римского наместника Вара зрители без труда угадывали затяж-

⁵⁰ См.: *Willems G.* 2013.

ную борьбу, которую Леопольд I вел с королем Франции Людовиком XIV. В итоге роман превратился в хвалебную песнь немецкой смелости и добродетели, которую воплотил в себе германский император.

Вслед за литературой меняется восприятие Арминия и в немецком изобразительном искусстве. Так, иллюстрацией к роману Лознштейна может служить многофигурное полотно Иоганна Якоба фон Зандрарта (1655–1698) «Арминий и Туснельда» (1689), где изображен триумф Арминия, хотя в центре композиции находится не он, а восседающая на троне Туснельда, к ногам которой складываются добытые в сражении трофеи. Сам же Арминий представлен на переднем плане в образе современного европейского властителя, внешне напоминающего германского императора Леопольда I, великодушно прощающего Сегеста и Флавия за предательство. Сюжетно и композиционно с картиной Зандрарта перекликается написанное почти сто лет спустя полотно «Герман» (1758), кисти Иоганна Генриха Тишбейна Старшего (1722–1789), вдохновленного одноименной драмой Иоганна Элиаса Шлегеля (1719–1749). Тишбейн также изобразил заключительную сцену трагедии, в которой Герман демонстрирует свое безмерное великодушие, отпуская на свободу предавших его родственников. Автор представил Германа не воином, а скорее вельможей: роскошно одетым молодым человеком с грузным изнеженным телом, позой и костюмом напоминающего портреты европейских правителей XVIII века.

Написав трагедию «Герман» в 1743 г., Шлегель предпринял первую попытку вернуть немцам их Героя. Он создавал немецкую национальную драму, выдержанную в народных поэтических традициях, что должно было способствовать подъему патриотизма среди соотечественников, уставших от засилья французов и итальянцев на немецкой сцене. Эту же задачу ставил перед собой знаменитый просветитель, автор «Оснабрюкской истории» Юстус Мёзер (1723–1798). В 1749 г. он написал драму «Арминий», в которой решительно отвергал упрек в адрес германцев в дикости и варварстве, выразив в предисловии надежду, что зритель во время просмотра пьесы будет «охвачен гордостью и чувством превосходства над греком и римлянином»⁵¹.

Но высшей точки художественного воплощения в XVIII в. героический миф об Арминии / Германе и битве в Тевтобургском лесу, достиг в творчестве поэта Фридриха Готтлиба Клопштока (1724–1803). Лучшая часть его наследия – три драмы, написанные на материале из жизни древних германцев. Автор называл их «бардитами» (от *Barditus*), т.е. произведениями барда. «Бардиты», в полном соответствии с латинским нарративом о «*clades Variana*», состояли из трех пьес: «Битва Германа» (1769), «Герман и князя» (1784) и «Смерть Германа» (1787). Наибольшими художественными достоинствами отличается первая часть трило-

---

⁵¹ *Unverfehrt* 1981. S. 320 f.

гии. Герман изображается Клопштоком как непобедимый герой и объединитель германских земель. Клопшток, крайне негативно относившийся к сепаратистской политике, проводимой немецкими дворами, одним из первых делает попытку отделить образ Арминия от какого-либо представителя правящего дома и представить его национальным героем всех немцев. Эту тенденцию подхватила и развила в своем творчестве известная немецкая художница Анжелика Кауфман (1741–1807), написав серию картин с изображением сцен из бардиты Клопштока «Битва Германа». Ее полотно «Герман после битвы» (1785) демонстрирует триумф молодого Германа после одержанной им победы над римлянами, развивая в стиле классицизма популярный в немецкой живописи сюжет, на котором мы не раз уже подробно останавливались. В центре картины, стоя под огромным дубом, ставшим в XVIII в., как и орел, символом Германии, прекрасный Герман в крылатом шлеме приказывает своим воинам поднять вверх трех захваченных у римских легионов орлов. Перед ним преклоняет колено, одетая в белые одежды Туснельда, чтобы от имени всех германцев передать ему лавровый венок как победителю римлян и освободителю отечества. За нею можно увидеть ликующий «народ», в углу картины – плененных легионеров и соплеменников-предателей, а на переднем плане справа – знаменитого барда Оссиана, который, воздев руки к небу, благодарит богов за победу. Кауфман, следуя за текстом Клопштока, рисует не монарха, а античного триумфатора, героя и спасителя нации в окружении признательного ему «народа». Несмотря на различие художественных стилей, вполне очевидна и утвердившаяся в немецкой живописи к началу XIX века преемственность в иконографии Арминия / Германа, которая носила в основном иллюстративный и наднациональный характер.

Политизация мифа. «Битва Германа»

К концу XVIII в. немецкими просветителями с помощью германского мифа были созданы исторические основы национальной идентичности. У немцев появился свой миф основания, связанный с благородными германскими предками, миф о Герое-освободителе и миф о решающей Битве, положившей начало национальной истории. Патриотический нарратив об Арминии / Германе и битве в Тевтобургском лесу помогал разобщенным немцам противостоять военной и культурной экспансии превосходящей их во всех отношениях Франции. Но только наполеоновские войны придали ему ту новую актуальность, которую можно было использовать для развития не только культурной, но и политической идентичности немецкой нации, превратив его в миф о «битве Германа». С ростом ненависти к французским оккупантам формировались представления о необходимости национального единства в границах объединенного отечества, и параллельно шла активизация идеологического потенциала мифа о Битве и победе над превосходящим по силе

врагом. Арминий / Герман и «битва Германа» стали важным политическим аргументом в пользу того, что сопротивление не только возможно, но и, в конце концов, будет успешным. В декабре 1807 г. в Берлинском университете, в столице поверженной Пруссии, оккупированной французами, философ Иоганн Готтлиб Фихте (1762–1814) начинает чтение цикла лекций под общим названием «Речи к немецкой нации». Говоря о необходимости национального пробуждения, Фихте неоднократно обращался к истории борьбы древних германцев против превосходящего их Рима. Ссылаясь на Арминия / Германа и Тевтобургскую битву, он утверждал: «Мы обязаны этим германцам всем, тем, ... что унаследовали их земли, их язык и убеждения, что мы – все еще немцы»⁵². После сокрушительного поражения Пруссии в 1806 г. под Йеной и Ауэрштедтом Герман для всех, кто не смирился с наполеоновской гегемонией, стал символом надежд. В то же время, битва в Тевтобургском лесу, которая была проведена не в соответствии с требованиями открытого, симметрично разыгранного сражения, а в виде череды нападений на римские колонны, застрявшие без движения в болотистой лесистой местности, демонстрировала тактическую модель, с помощью которой можно было победить превосходящих в военном отношении французов⁵³. Эрнст Мориц Арндт (1769–1860), который уже в 1787 г. написал «Победную песнь Германа», в этот период сознательно обратился к нарративу о древних германцах, чтобы оказать мобилизующее воздействие на общественное мнение. Вождя херусков и «битву Германа» было необходимо вернуть из мира поэзии и изобразительного искусства, превратив в нравственный императив для активных политических действий. Освободительную войну против Наполеона Арндт объявил новой «битвой Германа». Так в «Песне Родины» (1812), которая начиналась известными стихами «Бог дал нам железо, / которое не терпит холопов» говорилось: «Плуту и холопу – привет! / Тому, кто кормит ворон! / Итак, мы выдвигаемся на Битву Германа. / И жаждем мести»⁵⁴. Причем под «плутами и холопами» имелись в виду вовсе не французы, а соотечественники, симпатизировавшие им. А таких, учитывая получивший развитие накануне французской экспансии культ Наполеона среди довольно большой части образованных слоев немецкого общества, было немало. Таким образом, к объявлению внешней войны против Наполеона, как и в период Реформации, добавлялся призыв к уничтожению внутренних врагов.

Разграничения между внешней и внутренней войной – центральная тема драмы Генриха фон Клейста (1777–1811) «Битва Германа», которая была написана в 1809 г. под впечатлением от тирольского восстания против баварско-французского господства и антинаполеоновской парти-

---

⁵² Fichte 1978. S. 268.

⁵³ Johnston 1990. S. 49 ff.

⁵⁴ Arndt 1850. S. 13.

занской войны в Испании⁵⁵. Герман Клейста понимает, что открытая битва против римлян будет проиграна, тем более, что поддержка в собственных рядах сомнительна, и многие германские предводители открыто или тайно симпатизируют римлянам. Иностранное господство не воспринимается ими как угнетение. Герман должен был вести борьбу на многих фронтах одновременно, и для этого он вынужден использовать хитрость, коварство и измены. Те самые приемы, что еще Лютером были заклеены как «романская ложь и коварство», используются Германом, чтобы освободиться от римского господства и влияния. Он ведет игру, в которой публично позиционирует себя как друг римлян, но при этом тайно организует силы сопротивления и прилагает все усилия, чтобы представить римское присутствие на германских землях еще более жестоким и эксплуататорским, чем оно есть на самом деле. Наконец, ему удастся не только объединить германские силы, но также придать им решимость и волю к сопротивлению и тем самым привести к победе.

Для будущих зрителей драмы Клейста аналогии между римско-германским противостоянием и современным положением германских земель было более чем очевидно. После того, как регулярные армии германских правителей проигрывали Наполеону одну битву за другой, и ожидать от них дальнейшего сопротивления уже не было никакого смысла, не оставалось ничего другого, как звать народ на сцену, вызвать его гнев и снабдить идейным оружием против иностранной оккупации. Одновременно шла речь о том, чтобы нейтрализовать внутренних врагов, которые противились идее активного народного сопротивления. И в этом отношении Герман дает пример того, как следует действовать современным немцам. Он борется не только с римлянами, но и с проявлениями местечкового эгоизма и отсутствия интереса к общегерманским проблемам. Носителем этих настроений в пьесе стала германская племенная верхушка, в частности, князь Убира Аристан, который заявил Герману, что он не знает, что такое Германия (Germania), а знает только свой Убир. За это Герман отрубает ему голову, вызывая тем самым одобрение князей, присоединившихся к антиримскому заговору⁵⁶. Современниками эта сцена воспринималась как ответ Клейста его идейным противникам, в частности, Шиллеру и Гете. Фридрих Шиллер (1759–1805) в своем «Альманахе муз за 1797 год» («*Musenalmanach für 1797*») опубликовал написанную им совместно с Иоганном Вольфгангом Гете (1749–1832) серию сатирических двустиший и эпиграмм под названием «Ксении», в подражание «Ксениям» Марциала, где великие поэты выразили свой скепсис относительно возможности создания единого немецкого государства. В частности, в знаменитом двустишии под заголовком «Германская империя» было сказано: «Германия? Но где она находится?

⁵⁵ См.: *Samuel R.* 1961. S. 64–101.

⁵⁶ *Kleist* 1993. Bd. 2. S. 348 ff.

Я не знаю, где искать эту страну, / Где начинается образованная Германия, заканчивается политическая»⁵⁷. Не меньшую популярность получило и другое двустихие под названием «Немецкий национальный характер»: «Вы напрасно надеетесь создать из немцев нацию, / Для этого Вы должны сделать из них свободных людей»⁵⁸. На это Клейст возражал: Германия находится там, где властвует идея борьбы, с помощью которой и благодаря которой и возникнет единая Германия⁵⁹.

Олицетворением этой идеи борьбы стал Герман / Арминий и выигранное им сражение. Победа над Наполеоном в Лейпцигской «Битве народов» (1813), которая в умах немцев сразу же соединилась с битвой в Тевтобургском лесу, была воспринята многими в Германии как подтверждение этих представлений. 1813-й год стал пиком актуализации героического мифа. «Битва Германа» превратилась в сакральный учредительный акт немецкой нации. Арндт писал по этому поводу во втором томе своего знаменитого историко-философского труда «Дух времени» (1813): «В битве в Тевтобургском лесу решилась судьба мира, поэтому Герман стал именем нарицательным для всех; он для нас – не только нечто поэтическое, не только нечто священное благодаря седой древности и миражам будущего, нет, он – нечто вечное и настоящее, так как мы все еще существуем благодаря ему, так как без него, вероятно, уже 1600 лет никто больше не говорил бы по-немецки»⁶⁰. В том же 1813 г. накануне битвы под Лейпцигом, где германские князья воевали с обеих сторон, появилась знаменитая листовка «Призыв к немцам», автор которой, подобно Ульриху фон Гуттену, обратился к поиску национального лидера, способного объединить немцев и возглавить освободительную борьбу: «Европа вопрошает в этот момент: Существует ли Герман? – Где новый Герман, который обратит в бегство новых орлов? Немцы, вставайте! Ваш Герман должен найтись»⁶¹. Вслед за нарративом тождество Лейпцигской Битвы народов и «битвы Германа» нашло свое отображение в иконографии мифа. На самой известной картине австрийского художника Карла Русса (1779–1843) «Герман освобождает Германию» (1818), написанной в плакатном стиле, в центре композиции на фоне поверженных врагов изображен облаченный не в римские доспехи, а в шкуры диких животных херуск Герман, без традиционного «крылатого» шлема и с завязанными в узел по германскому обычаю волосами. Он разрывает цепи, сковывающие Деву-Германию, у ног которой лежат аквилы с орлами римских легионов и щит с надписью: «Германия. Лейпциг, 1813». Впервые с XVI в. образ Германа не имеет ничего общего с европейской

⁵⁷ Schiller. Werke. Bd. 4. S. 179.

⁵⁸ Ibid. S. 182.

⁵⁹ Mommsen 1974. S. 128 ff.

⁶⁰ Arndt. Bd. 2. S. 223.

⁶¹ Цит. по: Wells 2005. S. 33.

классической иконографией Героя, отсылающей к античным традициям. Как на одном из первых изображений вождя херусков Тобиаса Штиммера, он опять превратился в дикого необузданного германца, обретя ярко выраженные национальные черты. Учитывая, что изменения в иконографии происходят значительно медленнее, чем в нарративе, можно утверждать, что в ходе наполеоновских войн произошла окончательная германизация и политизация героического мифа на всех уровнях его восприятия. Через год после битвы под Лейпцигом, в 1814 г., национальное торжество по случаю годовщины победы над французами отмечалось как праздник «Второй битвы Германа», что знаменовало собой начало формирования традиции политического ритуала, связанного с мифом о легендарном сражении.

Но, несмотря на обретенную свободу, проблема внутренней разобщенности осталась. Великая победа над врагом, в лучшем случае, знаменовала собой лишь начало пути к объединению нации, и теперь нужно было идти дальше, чтобы действительно добиться успеха. Идеологические инструменты для этого давало превращение битвы в Тевтобургском лесу из исторического события в главный политический миф. Он оставался актуальным, не в последнюю очередь, еще и потому, что на Венском Конгрессе (1814/15) не было достигнуто политического единства Германии. Многозначность заложенных в нем смыслов позволяла в нужный момент перенести акценты с борьбы за свободу нации на борьбу за единство, сделав его конечной целью «битвы Германа». До тех пор, пока единая Германия продолжала оставаться интеллектуальным проектом, миф о Германе и о победе в Тевтобургском лесу использовался как главное идеологическое обоснование необходимости принять немцами вызов истории и довести начатый в XVI в. процесс национального объединения до конца.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Гуттен У. фон.* Вадиск или римская троица // Гуттен Ульрих. Диалоги. Публицистика. Письма. М.: Акад. Наук СССР, 1959. С. 61–126.
- Гуттен У. фон.* Послание курфюрсту Фридриху Саксонскому // Гуттен Ульрих. Диалоги. Публицистика. Письма... С. 305–315.
- Кассий Дион.* Римская история. Книга LVI / Пер. Б.Н. Гракова // Древние германцы. Сборник документов / Под ред. А.Д. Удальцова. М.: «Ломоносовъ», 2015.
- Патеркул.* Римская история. Книга I / Пер. А.И. Неусыхина // Древние германцы... Сборник документов... 2015.
- Светоний.* Жизнь двенадцати Цезарей. Книга II. Божественный Август / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: «Наука», 1993.
- Тацит.* Анналы. Книга I, II / Пер. А.И. Неусыхина // Древние германцы... 2015.
- Флор.* Из истории римского народа. Книга II / Пер. А.И. Неусыхина // Древние германцы... 2015.
- Arndt E. M.* Gedichte. Hildesheim, 1992. Faksimile-Druck der Ausgabe. Leipzig, 1850.
- Arndt E. M.* Geist der Zeit. 4 Bde. Leipzig, 1807–1817. Bd. 2.

- Fichte J. G.* Reden an die Deutsche Nation. Hamburg, 1978.
- Gutten U. von.* Arminius // Die Schule des Tyrannen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996.
- Kleist H.* von. „Hermannsschlacht“ // Werke und Briefe / Hg. von *Streker S.*, 4 Bde., Berlin, 1993. Bd. 2.
- Luther M.* Tischreden. 5 Bde. Weimar, 1914–1919.
- Schiller Fr.* Werke. Kritisch durchgesehene und erläuterte Ausgabe. 8 Bände. / Hg. von *Bellermann L.* (Meyers Klassiker-Ausgaben in 150 Bänden). Leipzig, Wien, o. J.

Литература

- Заиченко О.В.* «Германский миф»: немецкие интеллектуалы в поисках «общего прошлого» и национальной идентичности // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 305–335.
- Махлаюк А. В.* Историк «века железа и ржавчины» // *Кассий Дион Кокцеан.* Римская история. Книги LXIV–LXXX. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Немировский А.И., Даушкова М.Ф.* «Римская история» Веллея Патеркула. Малые римские историки. М.: Ладомир, 1996.
- Тронский И. М.* Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. Соч. в 2-х т. М.: Ладомир, 1993.
- Шмитт Ж.-К.* Овладение будущим // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005.
- 2000 Jahre Varusschlacht: Imperium, Konflikt, Mythos (Ausstellungskataloge). 3 Bde. Stuttgart, 2009.
- Brockmann R., Althoff C.* Römer begrüßen Merkel in Detmold // Westfalenblatt, 2009, May 16.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. Interview mit *Alexander Demandt* // SPIEGEL-Online Wissenschaft. 30.12.2010.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 1. «Er thront über allen» // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 14.09.2009.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 2. Er verhinderte die Romanisierung Germaniens // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 16.09.2009.
- Hobsbaum E.* The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 1983.
- Husemann D.* Wie die Deutschen die Varusschlacht zurechtbogen // Die Welt, 2009, Januar 14.
- Johnston O.W.* Der deutsche Nationalmythos. Ursprung eines politischen Programms. Stuttgart, 1990.
- Kaufmann T.* Edler Wilde, grausiger Heide, Fürstenknecht und Kämpfer für die Nation: Der Germane in den Bildprojektionen von der Bauernkriegszeit bis zur Romantik // Fansa M. (Hrsg.) Vorausschlacht und Germanen Mythos. Oldenburg, 1993.
- Mayer G. O.* „Symbol deutscher Einheit“. Die Einweihungsfeier des Hermannsdenkmals 1875 // Landesverband Lippe. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. S. 222–288.
- Mommsen K.* Kleists Kampf mit Goethe. Heidelberg, 1974.
- Münkler H.* Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin, 2009.
- Münkler H.* „Ein herrlicher Sonnenaufgang“. Die Rhetorik der weltgeschichtlichen Zäsur am Beispiel der Französischen Revolution // Neustart des Weltlaufs? Fiktion und Faszination der Zeitenwende. Frankfurt/M., 1999. S. 16–35.
- Roloff H.-G.* Der „Arminius“ des Ulrich von Gutten // *Wiegels R., Woesler W.* (Hg.) Arminius und die Varusschlacht. Geschichte–Mythos–Literatur. Paderborn, 1995. S. 11–238.
- Samuel R.* Kleists „Hermannsschlacht“ und der Freiherr von Stein // Jahrbuch der deutschen Schiller-Gesellschaft. 5. Jg., 1961. S. 64–101.
- Tiple D.* „Varusschlacht“ in ihren Kontexten. Eine kritische Nachlese zum Bimillennium 2009 // Historische Zeitschrift. 2012. Bd. 294. S. 596–625.

- Unverfehrt G.* Arminius als nationale Literatur. Anmerkungen zur Entstehung und Wandel eines Reichssymbols // Kunstverwaltung Bau- und Denkmalpolitik / Hg. *Wätzoldt M.*, Berlin, 1981. S. 315–340.
- Wamser L.* Grabstein des Marcus Caelius // Die Römer zwischen Alpen und Nordmeer. Mainz, 2000.
- Wells P. S.* Die Schlacht im Teutoburger Wald. Düsseldorf, Zürich, 2005.
- Westfälischer Streit ums Schlachtfeld // Die Welt, 2009, June 11.
- Wiegels R.* „Varausschlacht“ und „Hermann“-Mythos. Historie und Historisierung eines römisch-germanischen Kampfes im Gedächtnis der Zeiten // Beihefte der Francia. Bd. 66. 2000. S. 27–51.
- Willemms G.* Geschichte der deutschen Literatur. Band 1. Barock. Böhlau Köln: UTB Verlag, 2013. 402 S.
- Wolters R.* Die Schlacht im Teutoburger Wald. Arminius, Varus und das römische Germanien. München, 2008.
- Wullen M.* Die Deutschen sind im Treppenhaus: Der Fries Otto Geyers in der Nationalgalerie Berlin. Berlin: DuMont Buchverlag, 2002.

REFERENCES

- Zaichenko O.V. «Germanskii mif»: nemetskie intellektualy v poiskakh «obshchego proshlogo» i natsional'noi identichnosti // Dialog so vremenem. 2016. № 54. S. 305–335.
- Makhlayuk A. V. Istoriik «veka zheleza i rzhavchiny» // Kassii Dion Koktsean. Rimskaya istoriya. Knigi LXIV–LXXX. SPb.: Nestor-Istoriya, 2011.
- Nemirovskii A.I., Dashkova M.F. «Rimskaya istoriya» Velleya Paterkula. Malye rimskie istoriki. M.: Ladomir, 1996.
- Tronskii I. M. Kornelii Tatsit // Kornelii Tatsit. Soch. v 2-kh t. M.: Ladomir, 1993.
- Shmitt Zh.-K. Ovladenie budushchim // Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinovi. M., 2005.
- 2000 Jahre Varusschlacht: Imperium, Konflikt, Mythos (Ausstellungskataloge). 3 Bde. Stuttgart, 2009.
- Brockmann R., Althoff C. Römer begrüßen Merkel in Detmold // Westfalenblatt, 2009, May 16.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. Interview mit Alexander Demandt // SPIEGEL-Online Wissenschaft. 30.12.2010.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 1. «Er thront über allen» // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 14.09.2009.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 2. Er verhinderte die Romanisierung Germaniens // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 16.09.2009.
- Hobsbaum E. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 1983.
- Husemann D. Wie die Deutschen die Varusschlacht zurechtbogen // Die Welt, 2009, Januar 14.
- Johnston O.W. Der deutsche Nationalmythos. Ursprung eines politischen Programms. Stuttgart, 1990.
- Kaufmann T. Edler Wilde, grausiger Heide, Fürstenknecht und Kämpfer für die Nation: Der Germane in den Bildprojektionen von der Bauernkriegszeit bis zur Romantik // Fansa M. (Hrsg.) Vorausschlacht und Germanen Mythos. Oldenburg, 1993.
- Mayer G. O. „Symbol deutscher Einheit“. Die Einweihungsfeier des Hermannsdenkmals 1875 // Landesverband Lippe. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. S. 222–288.
- Mommsen K. Kleists Kampf mit Goethe. Heidelberg, 1974.
- Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin, 2009.

- Münkler H. „Ein herrlicher Sonnenaufgang“. Die Rhetorik der weltgeschichtlichen Zäsur am Beispiel der Französischen Revolution // Neustart des Weltlaufs? Fiktion und Faszination der Zeitenwende. Frankfurt/M., 1999. S. 16–35.
- Roloff H.-G. Der „Arminius“ des Ulrich von Gutten // Wiegels R., Woesler W. (Hg.) Arminius und die Varusschlacht. Geschichte–Mythos–Literatur. Paderborn, 1995. S. 11–238.
- Samuel R. Kleists „Hermannsschlacht“ und der Freiherr von Stein // Jahrbuch der deutschen Schiller-Gesellschaft. 5. Jg., 1961. S. 64–101.
- Tiple D. „Varusschlacht“ in ihren Kontexten. Eine kritische Nachlese zum Bimillennium 2009 // Historische Zeitschrift. 2012. Bd. 294. S. 596–625.
- Unverfehrt G. Arminius als nationale Literatur. Anmerkungen zur Entstehung und Wandel eines Reichssymbols // Kunstverwaltung Bau- und Denkmalpolitik / Hg. Wätzoldt M., Berlin, 1981. S. 315–340.
- Wamser L. Grabstein des Marcus Caelius // Die Römer zwischen Alpen und Nordmeer. Mainz, 2000.
- Wells P. S. Die Schlacht im Teutoburger Wald. Düsseldorf, Zürich, 2005.
- Westfälischer Streit ums Schlachtfeld // Die Welt, 2009, June 11.
- Wiegels R. „Varausschlacht“ und „Hermann“-Mythos. Historie und Historisierung eines römisch-germanischen Kampfes im Gedächtnis der Zeiten // Beihefte der Francia. Bd. 66. 2000. S. 27–51.
- Willems G. Geschichte der deutschen Literatur. Band 1. Barock. Böhlau Köln: UTB Verlag, 2013. 402 S.
- Wolters R. Die Schlacht im Teutoburger Wald. Arminius, Varus und das römische Germanien. München, 2008.
- Wullen M. Die Deutschen sind im Treppenhaus: Der Fries Otto Geyers in der Nationalgalerie Berlin. Berlin: DuMont Buchverlag, 2002.

Заиченко Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; o.v.zaichenko@gmail.com

The Battle of the Teutoburg Forest from “Clades Variana” towards “Hermannsschlacht”: construction of a national myth

The paper attempts to specify the construction of the epic myth about the Teutoburg forest battle in the national consciousness of the Germans as a sacred act, which had launched the national history mechanism, regarding its interpretation changes over the XVI - XIX centuries at the narrative and iconography levels, as reflected in literature and visual art. Germanization and politicization of national history in the development of national identity has led to the emergence of a variety of terminological and conceptual editions of the legendary battles and heroes, which in turn is a reflection of the changes in the perception of this event in the historical memory of the nation due to changes in its goals.

Keywords: Germany, fight against "Rome", historical memory, Battle of the Teutoburg Forest, "Hermann Battle", Arminius / Hermann, national identity

Olga Zaichenko, PhD, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; o.v.zaichenko@gmail.com